

ЛИЯ АРДЕН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВОПЛЕ ЗАКОНА

НИТИ СУДЬБЫ V

Лия Арден
Во главе закона
Серия «Нити судьбы», книга 5
Серия «Охотники за мирами.
Бестселлеры Лии Арден»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74439216

*Лия Арден «Во главе закона»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;
2026*

ISBN 978-5-04-253265-8

Аннотация

Финал цикла Лии Арден «Нити судьбы».

Вега – помощница Маттео, успешная и знаменитая в криминальном мире. Пытаясь помочь подруге, она становится должницей опасного бизнесмена. Но цена помощи – услуга, которая грозит Веге неприятностями.

Элион – следопыт смерти, и у него есть полгода, чтобы выполнить условия сделки. Но теперь он вынужден подчиняться догме, стоящей во главе закона бытия, иначе потеряет себя.

Их сводит случайность. И пока Вега борется с настоящим, Элион, рискуя свободой, намеревается спасти её будущее.

Городское фэнтези с древнегреческой мифологией и играми с судьбой.

Он получил шанс вернуться, она – шанс на новую жизнь. Но за все нужно платить и их случай не исключение.

Новые проблемы, новые тайны и динамичный сюжет, что не даст героям оставаться на месте.

Интриги, тайны и «крючки», которые будут держать в напряжении до последней строчки. Юмор и настоящие теплые отношения. Обретенная семья, которую захочет найти каждый.

Герои, готовые на все ради счастья друг друга.

Цветные иллюстрации AceDia.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Плейлист	7
Пролог	9
1. Она. Прошлое	29
2. Вега	35
3. Элион	57
4. Вега. Прошлое	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Лия Арден

Во главе закона

Иллюстрация на обложке Дарьи Бобровой Дизайн переплёта. Радия Фахрутдинова.

Дизайн макета Дины Руденко и Ирины Литке.

Внутренние иллюстрации AceDia.

Иллюстрации в справочнике Валерии Киселёвой (vvevelur).

© Арден Л., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

Broadside – I Think They Know

BAD OMENS – THE DEATH OF PEACE OF MIND

Lowborn – Devil

CRMNL – Devil Inside

Fallulah – Give us a Little Love

David Kushner – Daylight

Thomas LaRosa – Scream My Name

Jaymes Young – Infinity

*Посвящается всем. Потому что у каждого в
душе есть дверь, которую невозможно закрыть.*

Пролог

Несмотря на мерное покачивание высоких белых цветов, мир казался обездвиженным, застывшим в одном умиротворяющем мгновении, которое с каждой секундой теряло свою притягательность, становясь нереальным.

Он не знал, где находится.

И как давно.

Смутно припоминал, кем был, но каждая мысль текла вяло, грозя остановиться, замереть под стать окружающему пейзажу.

Он умер, но его окутывала безмятежность. Всё, что должно было волновать или пугать, едва ли имело смысл. Однако странное ощущение, подобное надоедливому зуду, не отпускало. Нечто настолько важное, что он не мог так легко отпустить. Это «что-то» на краю сознания упрямо боролось с забвением, пока взгляд рассеянно наблюдал за неестественно огромным светилом. Будь звезда настоящей, она бы слепила глаза, будь она настоящей, здешние поля давно бы сгорели, и это лишний раз добавляло сюрреалистичности прекрасному пейзажу – бесконечным холмам, покрытым цветущими асфоделусами. Он растерянно провёл рукой по бутонам, достигавшим его бедра. Хотя бы осязание подсказывало, что это не обман.

Он был не один. Вдалеке бродили с десятков неприкаян-

ных душ, которые со схожей растерянностью озирались, то ли пытаясь понять реальность, то ли ища знакомых.

– Чаю?

Он вздрогнул и обернулся. Лицо миловидной девушки озарила успокаивающая улыбка, словно подобная реакция незнакомке уже привычна. Её светлое платье выглядело простым, заплетённые в косу каштановые волосы лежали на плече. В руках девушка держала сверкающий поднос с чашкой чая, в котором плавали белые лепестки. Рядом, будто украшение для предстоящего чаепития, уложили сорванные цветы асфоделуса.

Он подавил бездумную реакцию протянуть руку к напитку, но, оглядевшись, заметил, что к некоторым незнакомцам подошли другие девушки со схожими подносами.

– Не любите чай? – вежливо уточнила собеседница, вынуждая вновь обратить внимание на себя. Раздражённой или уязвлённой она не выглядела, разум уговаривал взять напиток, но нечто внутри сопротивлялось. Неясное предостережение, и всё же у него не было причин отказываться. Ни одного аргумента против.

Незнакомка терпеливо ждала, дав его разуму загнать себя в тупик и сдаться. Проиграв в безмолвной мысленной борьбе, он в итоге поднял руку.

– А ну посторонись!

Он ухватил пустоту: чашка вместе с подносом и незнакомкой дёрнулась влево, когда другая девушка пихнула её

бедром, заставив отступить. Незнакомка в светлом платье округлила глаза и ойкнула, пытаясь не разлить чай. Он как замороженный снова потянулся за напитком, но теперь встрявшая девушка безжалостно шлёпнула его по руке:

– Не трожь, болван!

Он заморгал, с трудом фокусируя взгляд на возмутительнице порядка. Серое платье с пышной юбкой было густо украшено персиковыми цветами, а её неестественно розовые волосы роскошными локонами укрывали плечи. Она была слишком яркой для окружающих сдержанных тонов, слишком резкой и выделяющейся. Пелена бездумной покорности спала, он нахмурил брови, ощутив укол... возмущения?

Болван?

– Ему нужно выпить чай, чтобы...

– Тс! – шикнула на первую девушку розововолосая, отодвинув её с напитком подальше. – Ничего ему не нужно, кроме хорошенькой пощёчины, чтобы пришёл в себя.

Пощёчины?

Он изумился, когда его губы сами невольно дрогнули в усмешке. Странные слова защекотали язык, на укол ему нестерпимо, как по привычке, захотелось ответить схожей дерзостью, но умиротворение скрутило разум раньше, чем он подобрал слова.

– Что... происходит? – с трудом, но выдавил он. Собственный голос казался ему незнакомым.

– Не мешай. Он должен выпить! – потребовала девушка с

подносом у второй незнакомки.

– Только посмей дать ему этот чай! – огрызнулась та.

– Это против правил!

– Это земли ожидания, а он мёртв, как и все мы. Уж где-где, а тут с правилами можно повременить, его поезд уже никуда не уедет! – Розововолосая всплеснула руками и закатила глаза.

Кажется, часть про поезд девушку с подносом смутила: она недоумённо захлопала ресницами и умолкла. Мыслительный процесс и сосредоточенность отразились на её лице. А он, к собственному удивлению, издал искренний смешок.

– Я говорил тебе, Сирша, что почти никто не понимает современных фразеологизмов. Лея родом из Палагеды и умерла задолго до соединения трёх миров. – Мужской голос прозвучал мягко, призывая к перемирию.

Обернувшись, он испытал смешанные чувства: лицо было знакомо, но мимика совсем чужая. Мужчина в светлой тунике возвышался на целую голову, девушки и вовсе едва дотягивали ему до плеча.

– Гипнос. – Знакомое имя бездумно сорвалось с губ. – Сирша...

Розововолосая просияла, улыбка сделала её краше.

Кай.

В голове зазвенело от повисшей тишины. Всё вокруг стало совсем чужим. Элион взглянул на собственную руку, внезапно перестав понимать, его ли это тело и есть ли оно у него

вообще.

Кассия.

Иво.

В груди заболело.

Мейв.

Мама.

Невидимую плотину прорвало, имена и события градом обрушились на его разум. Перед глазами замелькали пятна, а зовущие голоса потонули за гулом воспоминаний. Он вновь прочувствовал тысячи событий, вся жизнь буквально пронеслась в голове, тараном пробив мысли, и это заняло далеко не миг. Тело одеревенело, пока сознание то и дело окунали в сотни пережитых им эмоций.

Элион пришёл в себя от неуверенного прикосновения к плечу. Он вздрогнул так сильно, что Сирша моментально отступила на шаг. Ему по-прежнему казалось, что земля качалась под ногами, а пейзаж пестрел светлыми пятнами, которые то и дело вспыхивали, размывая зрение. Элион перевёл ошоловелый взгляд на мужчину.

– Не Гипнос, – мягко поправил он. – Танатос.

Тяжело дыша, Элион утёр ладонью взмокший лоб, облизал пересохшие губы, пытаясь составить банальную логическую цепочку, но разум продолжал оставаться неподатливым.

По легендам, Танатос был братом-близнецом Гипноса, но их схожесть поразила. Если не считать разницы в росте и

длине волос, которые у Танатоса были по плечи, то это было лицо Гипноса, такое, каким Элион его запомнил.

– Я умер, – выдал очевидную истину Элион и почти сразу ощутил привкус крови на языке, запах жжёной плоти. Его плоти. Тело пробрал крупный озноб, но воспоминание о боли накатило мимолётной волной, которая так же быстро отступила.

– Ты умер, – расслабленно подтвердил Танатос. – Как и мы все.

Наверное, последнее замечание должно было успокоить, но Элион почувствовал горестное разочарование. Его взгляд замер на Сирше. Она ответила понимающей улыбкой, в голубых глазах читался отпечаток сожалений и печали, но ни разбитой, ни горящей она не выглядела, будто смирилась и нашла нечто новое в своём положении.

– Как ты?

Глаза Сирши округлились – похоже, беспокойство и сам вопрос застали её врасплох. Элион осознавал почему. Не сказать, что они успели стать друзьями, скорее, Сирша не доверяла никому из них, искренне заботясь именно о Кассии.

– Нормально. – Её плечи поникли, а губы тронула более живая улыбка. – Даже хорошо с учётом обстоятельств.

Элион с интересом окинул Сиршу взглядом, в руках она держала папку с ручкой. Незнакомка, которая ранее предлагала ему чай, отошла. Девушка была уже вдалеке и подавала напиток какому-то старику.

– Это был чай из асфodelуса... – догадался Элион, и по его спине поползли мурашки. По легендам, асфodelус называли «цветком забвения», который необходимо съесть на полях ожидания, чтобы всё забыть и подготовиться к новой жизни. Элион с ещё большей благодарностью посмотрел на Сиршу. Она защитила его от потери всех воспоминаний и собственного я. – Спасибо.

Она неловко пожала плечами и отреагировала на благодарность кивком.

– Но как... почему ты по-прежнему здесь? – уточнил Элион, чувствуя себя чуть увереннее. Ему наконец удалось победить неразбериху в голове, мысли потекли легче.

Сирша робко глянула на Танатоса. Улыбка бога смерти была поразительно доброжелательной. Он перенял инициативу и объяснил Элиону про замкнутую часть на землях Фантаса, где он вместе с женой и детьми Гипноса пробыл какое-то время. Потом Морфей, Фобетор и Фантас ушли, найдя своим силам второе рождение в новых детях Гипноса, а Танатос и Пасифея остались взаперти, пока там не появилась Сирша, которую притянуло к богу смерти, потому что её тело похоронили на Переправе. По их рассказу, они всё объяснили Кассии, отыскавшей путь к ним. На этом моменте Элион тяжело осел прямо на цветы асфodelуса, ощутив головокружение от мысли, что и Кассия успела умереть. Но раньше, чем Элион о ней спросил, Танатос заверил, что с Кассией всё в порядке, как и с Иво, Каем и Мейв, потому

что никто из них на землях ожидания так и не появился.

– На самом деле настоящая удача, что ты ещё здесь, – встряла Сирша. Она присобрала платье и тоже села на траву. Танатос, несмотря на всю свою божественность, сделал то же самое. – По словам Кассии, ты умер раньше, чем она попала на земли Фантаса.

Элион неловко кивнул, неуверенный, сколько именно простоял в ожидании. Он в целом не понимал, течёт ли время, имеет ли оно здесь какое-либо значение. Хотя, по легендам, души могли задержаться в землях ожидания на целые десятилетия, всё зависело от того, как много тревог тянуло их назад.

– Вы вырвались из запертой части земель Фантаса и, как все умершие, попали сюда, – аккуратно повторил Элион финальную мысль, чтобы удостовериться, что всё правильно понял. Танатос и Сирша кивнули. – Как давно вы здесь?

Сирша глянула на Танатоса, вероятно, тоже не зная ответа.

– Не дольше месяца, если считать по привычному вам течению времени, – пояснил он, потеряв подбородок.

Элион огляделся, осознав, что они встретились скорее чудом: поля тянулись до самого горизонта и терялись где-то вдалеке. Прошёл месяц, а они с Сиршей и Танатосом лишь сейчас пересеклись, и он сам здесь бродил, выходит, недели четыре-пять. Он помнил, как сперва плёлся по полям асфоделуса, но они никак не менялись, крупное светило оста-

валось на своём месте, небо всегда выцветше-голубое: день здесь никогда не заканчивался. Элион вспомнил, что именно этот словно бы замерший пейзаж в какой-то миг стёр все его мысли и намерения, пленил его своим безмолвием, и Элион просто застыл, позабыв, что жизнь – это движение.

Но он умер. Ему уже не нужно было никуда спешить, земли ожидания напоминали болото, которое не держит, но медленно крадёт желание куда-либо стремиться.

Элион тряхнул головой, отгоняя возвращающуюся вялость. Он догадался, что вновь провалился куда-то, поймав обеспокоенный взгляд Сирши. Он сосредоточился на ней, на самом ярком пятне здешнего пейзажа.

– Я понимаю, почему Танатос здесь, это одно из его мест... работы. А ты, Сирша? Почему ты не ушла?

– Я его секретарь, – как само собой разумеющееся выда-ла она, подбородком указав на Танатоса. Бог милосердной смерти отреагировал мягкой улыбкой, а у Элиона едва челюсть не отвисла.

– Ты его...

– Секретарь, – подтвердил за Сиршу Танатос, когда Элион не сумел договорить. – Я верно произнёс слово? – Тут он повернулся к девушке, и она энергично закивала, похоже довольная его успехами.

Успехами бога смерти в заучивании современной лексики.
Элион издал нервный смешок.

– Сирша в любой момент могла бы отправиться дальше,

но, попав сюда, сказала, что хочет улучшить земли ожидания. Я в целом не против. Она жизнерадостная и находчивая, да и мне интересно послушать о мире людей, – заверил Танатос.

– Между прочим, чай из асфodelуса – это нововведение и моя идея, – горделиво напомнила Сирша, расправив плечи. – Ещё недавно всем предлагали пожевать сами цветы. Ты представляешь? – почти оскорблённо прошептала она Элиону, хотя это было бессмысленно: Танатос сидел на расстоянии вытянутой руки.

Элион на всякий случай покосился на него, боясь, не оскорбит ли бога смерти её заявление, но тот наблюдал за Сиршей с доброжелательной улыбкой, как за ребёнком, который начал делать свои первые успехи в обыденных вещах. Элион не знал, хорошо или плохо то, что смертная девушка с пробивным характером приглянулась самому Танатосу: слухи о нём всегда ходили хорошие, и всё же он бог, понять его замыслы – всё равно что пытаться разгадать само мироздание.

– Думаю, это предложение сбивало души с толку, но идея напитка знакома многим. Тем более чай. Поэтому его принимают с большей охотой, – продолжила Сирша, махнув в сторону далёких фигур, которые действительно брали чашки без лишних вопросов.

– Времена изменились. Сейчас старые методы и правда могут выглядеть неудачно. На землях ожидания главное

– спокойствие, чтобы осознание смерти и переход к новой жизни становились как можно менее травмирующим опытом и дарили больше надежд, нежели сожалений, – согласился Танатос, на что Сирша просияла, приняв это в качестве похвалы.

Бог смерти встал, Элион и Сирша повторили за ним. Наступила неловкая пауза, и как бы Элиону ни хотелось, он понимал, каков его путь дальше. Он был благодарен Сирше за отсрочку, за возможность узнать, что никто из его близких не пострадал, и всё же он не мог заставить себя открыть рот и попросить чай из асфodelуса. Он не боялся смерти и мысли о том, что его жизнь оборвалась. Он отдал её добровольно, ради спасения даже не друга, а брата. Именно им Кай давно для него стал. Поэтому Элион не сожалел об утраченном, но в горле встал ком от упущенной возможности проститься с Вестой, Каем, Кассией, Иво и мамой.

– Я хочу попрощаться, – искренне выпалил Элион, считая, что уж хоть после смерти можно говорить откровенно, без манипуляции и уловок. – Сирша смогла напоследок поговорить с Кассией, вы сумели передать Гипносу через шары воспоминаний свои послания, поэтому могу ли я... – Улыбка медленно сошла с лица Танатоса, но он выглядел задумчивым, а не разозлённым, поэтому Элион торопливо продолжил, пока его не прервали: – Могу ли я каким-то образом попрощаться? Скажем, передать послание или встретиться с ними ненадолго?

– Боюсь, это невозможно, – выдержав короткую паузу, подтвердил неутешительную догадку Танатос.

Элион другого и не ожидал, но всё равно ощутил мимолётную боль в груди. Сирша пихнула Танатоса локтем. Элион весь напрягся, опасаясь, что такого бог не стерпит, но тот разве что удивлённо приподнял брови, глянув на девушку.

– Он же лучший друг твоего племянника. Кас говорила, что он спас Камаэлю жизнь, – буркнула она тихо, будто по секрету. – Ты бог – придумай что-нибудь!

Элион с немым потрясением смотрел на Сиршу, которая заулыбалась ему, когда Танатос призадумался, вертя перстень на пальце. Вот это да. Он, конечно, сразу понял, что Сирша не робкая госпожа, ещё когда она попыталась строить их с Каем и Иво, несмотря на то что они предоставили им с Кассией всё необходимое после пожара в квартире. Но тут ситуация выходила из ряда вон. Может, Танатос и наблюдал за ней, как за ребёнком, но и Сирша неплохо вила из него верёвки. Ну или пыталась.

Танатос снял свой перстень и протянул Элиону. Слабая улыбка появилась на лице бога, когда Элион дар не принял.

– Тебе известны легенды. – Это был не вопрос. – Перстень мне сделал Гипнос – сразу, как сотворил Переправу, – из кусочков своего дома, чтобы украшение всегда помогало найти верный путь к нему, куда бы она меня ни забросила. На заре своего создания Переправа была дикой и своенравной. Ты хочешь повидаться с моим племянником, а значит, пер-

стенъ тебе понадобится, чтобы выйти к дому на Переправе. Это единственное, что я могу предложить. У тебя нет тела, в которое можно вернуть душу, но перстень позволит твоему духу отыскать путь на Переправе.

Элион перестал дышать, запоздало подумав, что дыхание скорее привычная функция, чем необходимая. В затылке запульсировало от желания схватить кольцо, но Элион сдержал порыв, догадавшись, что Танатос ещё не закончил.

– Я проносил его достаточно, чтобы перстень стал моим артефактом, а ты знаешь, что дары от смерти просто так не достаются, – перешёл он к неприятной части.

– Я растворюсь в неизвестности? – Попытка пошутить вышла неловкой.

– Вероятность есть, – к несчастью, согласился Танатос. Повисшая пауза показалась гнетущей. – Я никогда не возвращал душу того, чьё тело уже уничтожено, но шанс на удачу есть благодаря перстню и факту, что тебе нужна именно Переправа, чтобы встретиться с близкими.

– Выходит, шанс на удачу пятьдесят на пятьдесят? – принял реальность Элион.

Танатос кивнул, не пытаясь приукрашать правду.

– И всё же это сделка, верно?

– Такова суть, – подтвердил бог смерти. – Обычно принимающие мои артефакты становятся следопытами смерти. Я отправляю их обратно выследить тех, кто по какой-то причине сумел избежать смерти, обмануть судьбу. Такие нару-

шают баланс, и моя задача – его восстановить. Если следопыт смерти сумеет оплатить долг – отыскать беглеца и отправить ко мне...

– То есть убить? – вклинилась Сирша, как прилежный секретарь записывая что-то в свою папку, словно вносила задачу в календарь своего начальника.

– Именно, – согласился Танатос. – Если следопыту это удастся, то он может прожить столько, сколько пожелает, нося дарованный артефакт. Когда жизнь утомит или все необходимые дела окажутся выполнены, то достаточно снять артефакт – и следопыт вернётся на земли ожидания. Но в твоём случае... – Танатос без особой надежды окинул Элиона взглядом. – Сомневаюсь, что перстень дарует тебе достаточно плотную оболочку, чтобы ты мог покинуть Переправу: по моим ощущениям, нынешний беглец в Санкт-Данаме.

– А как его найти? Перстень укажет? – вновь спросила Сирша, интересуясь темой даже больше самого Элиона. Каждый ответ Танатоса она прилежно записывала.

– Нет, придётся выследить, нутро следопыту подскажет.

– Раз я не могу вернуть долг, то что мне делать? – уточнил Элион, всем своим видом старательно показывая, что готов выполнить любые другие условия, которые ему по силам.

– Тогда я попрошу тебя о чём-то простом. Однако, будучи лёгкой, такая просьба даст тебе не больше месяца на Переправе. Это станет максимумом доступного тебе времени. А если попросишься раньше, то сними перстень с паль-

ца. Сразу после ты вернёшься сюда, ко мне, чтобы продолжить свой путь. Такой будет наша договорённость. – Танатос вытянул раскрытую ладонь с маленьким мешочком.

На лице Элиона отразилось недоумение, когда он заглянул внутрь.

– И всё? – растерянно вырвалось у него.

– В записке указано место. Просто оставь там.

– Это же не причинит Переправе вреда?

– Ни в коем случае. Я бы не посмел вредить величайшему творению моего брата. Переправа – венец его могущества, и она часть всех моих близких, – заверил Танатос, подбородком указав на перстень. – Он твой, если условия устраивают.

Элион с благоговением коснулся драгоценного украшения. Дорогой металл, овивающий хризолит, показался обжигающе холодным и довольно тяжёлым. Размер перстня был великоват, и Элион решил сперва примерить его на среднем пальце правой руки. Кольцо действительно было велико, но стоило ему оказаться на пальце, как, плотно его обхватив, металл сжался. Элион успел лишь вскинуть взгляд, скованно улыбнуться и открыть рот, но все звуки комом застряли в глотке, когда он рухнул вниз, будто под ним разверзлась пропасть.

Его поглотил мрак, в лицо ударил ветер, не дав усомниться в том, что он с губительной скоростью несётся куда-то во тьму. Малейший проблеск света растворился в вышине, словно Элион падал на дно бесконечного колодца. Сердце

билося надрывно, в груди ныло, а лёгкие жгло от того, что он в панике задержал дыхание. Все ощущения казались слишком настоящими. Горло сдавил крик, но Элион столкнулся с чёрным песком раньше, чем наружу вырвался хоть звук.

Он глухо застонал. Охвативший тело спазм на какое-то время парализовал, но долбаный песок попал в рот, и Элион, кряхтя, заставил себя перевернуться на бок, выплёвывая песчинки. Рёбра отозвались болью, но ничтожной по сравнению с высотой, которую он преодолел. Ни крови, ни сломанных костей. От него должна была остаться лепёшка.

Вернув контроль над телом, Элион, покачиваясь, приподнялся, ноги тряслись, голова кружилась, но спустя несколько медленных вдохов и выдохов зрению вернулась чёткость.

Он проделал, мать его, кратер.

Элиона передёрнуло от вида воронки, в центре которой он очутился. Он не стал задумываться, каким образом вообще выжил и как далеко вниз действительно улетел.

Ноги увязали в рассыпчатом песке. Убедившись, что перстень по-прежнему крепко сидит на пальце, а мешочек Танатоса надёжно спрятан в кармане, Элион выбрался из образовавшейся ямы.

Глаза привыкли к темноте, и он наконец рассмотрел странный пейзаж: однотонное небо, едва различимый горизонт, невысокие волны песчаных дюн. Над головой не было ни солнца, ни луны, и оттого обстановка выглядела ещё более неестественной. Сумрачно-тёмный свод, грифельно-чёр-

ный песок, неясное колышущееся марево вдалеке. Всё было лишено красок, сохранив разве что бледные оттенки. Это так обескураживало, что Элион нервно оглядел собственную тёмную тунику и руки, убеждаясь, что ни его кожа, ни хризолит в перстне привычного цвета не потеряли.

Если это Переправа, то выглядит она хреново. Может, это какие-то земли Фобетора?

Элион видел пустыню с чёрной дырой над ней, но земли вокруг были чем-то иным. Он потёр перстень, прислушиваясь к ощущениям, но, к своему разочарованию, не почувствовал ничего. Он помнил, как его вёл браслет Кассии, когда она потребовала найти Весту и Кая, но сейчас перстень молчал, будто сам не ведал пути, – и это настораживало.

Что, если он потерпел неудачу?

На неизвестность не похоже, но и место, куда он попал, явно в план не входило. Элион зашагал вперёд, выбрав направление наобум.

Всего тридцать шагов по рассыпчатому песку – и он стал замечать неладное. То тут, то там лежали ониры, напоминающие тени. Обнаружив первых, Элион замер, прекрасно зная, как стремительно твари реагируют на звук. Но ни одна голова не повернулась в его сторону. Некоторые из ониров сидели, какие-то вставали и лениво передвигались с одного места на другое, но при этом ни один не обратил на него внимания. Элион не вызывал у них интереса.

Это потому, что он мёртв?

Элион поморщился, напомнив себе, что безоружен. И всё же, не имея других вариантов, он сделал четыре намеренно шумных шага. Из ближайших тварей отреагировала только одна, вяло повернув голову. Три удара сердца – и онир от-вернулся.

Хоть одной проблемой меньше.

Слегка воодушевившись, но не снижая бдительности, Элион продолжил путь. Окружающий пейзаж никак не менялся, разве что стаи ониров и редкие скалы подсказывали, что он не ходит кругами. Путешествие показалось настолько долгим и бесцельным, что, заметив бледную точку вдалеке, Элион застыл, неуверенный, что ему не мерещится. Сперва точка выглядела статичной, но, понаблюдав, он заметил, как она раздвоилась и медленно, но начала увеличиваться.

Они двигаются!

Элион рванул вперёд не раздумывая. Бег сменился растерянным шагом, когда он стал различать фигуры: женщины с длинными волосами в классических пеплосах. Одну из них он издали спутал с Кассией, но, разглядев незнакомку, почти сразу ощутил разочарование. Он остановился в нескольких шагах, бледное свечение их кожи и фигур в этом сумрачном пространстве подсказывало об их истинном величии, но после встречи с самим богом смерти две очередные богини страха не вызывали. Их глаза скрывали повязки, но Элион мог поклясться, что чувствует их взгляды, они безошибочно смотрели в его сторону.

– Неожиданный визит от следопыта смерти, – медленно проговорила одна, в белом пеплосе.

Элион себя следопытом не считал, но и поправлять богиню не стал.

– Кто вы?

– Я Пемфредо.

– А я Энио, – ответила её сестра в шафрановом пеплосе, которая сильнее напоминала Кассию.

– Вы Грайи, – понял Элион и почтительно склонил голову.

Богиням его учтивость понравилась, губы тронули слабые улыбки.

– Если это ваши земли, то прошу прощения за вторжение, я оказался здесь случайно. Танатос сказал, что я вернусь на Переправу.

– Это и есть Переправа, – расслабленно возразила Энио.
Какого...

– Сумеречная её сторона, – дополнила Пемфредо.

Что ещё за на хрен?

– Это как? – мягко уточнил Элион.

– Часть Переправы, сотворённая детьми Гипноса, чтобы держать сумеречных ониров в привычной им среде. Здесь они могли выжить. – Энио махнула рукой на оставшихся позади тварей, которые всё так же бесцельно в какой-то полудрёме проводили своё время.

– Я не должен тут быть, – обронил Элион, пытаясь разглядеть в пейзаже хоть намёк на верное направление.

– Ты здесь, потому что такова твоя судьба, – возразила Энио.

– Я умер, и у меня нет судьбы.

– Наивный. Лишь она одна тебя защищает и ведёт. Нынешний путь – твоя судьба.

У Элиона появилось немало вопросов и не одно возражение. Его нить судьбы оборвалась с его смертью, разве нет? Он умер. Нет даже его тела, а значит, нет и предначертанного пути. Время ограничено, и Элион отмахнулся от желания вступить в полемику, сосредоточившись на главном.

– Прошу, подскажите путь на маковые поля Морфея, и я незамедлительно покину ваши территории.

Граии переглянулись, и Элион едва удержался от гримасы, чуя неладное. Ощущение разве что усилилось, когда богини после продолжительной паузы вновь обратили внимание на него, а на их губах появились доброжелательные улыбки. Элион был достаточно осведомлён о нравах богов, чтобы понимать, что всё ведёт к...

– Сделка, – без прикрас выдала Пемфредо, понимая, что у Элиона нет других вариантов. – Нам нужна помощь в кое-каком деле.

Элион устало вздохнул, тоже не скрывая, что видит их мотивы насквозь. Единственное, на что он мог надеяться, – что не влипает в очередное дерьмо.

– Я слушаю.

1. Она. Прошное

Она прекратила стучать зубами, но оказалась не в состоянии контролировать нервно трясущиеся руки, словно её тело прошибал ток. Из-за этого кандалы и цепи продолжали беспрерывно позвякивать уже несколько часов. Она не знала, как долго стоит босая на холодном мраморе, в одной окровавленной сорочке, закованная в цепи. Лишь изредка она позволяла себе переступить с одной ноги на другую, видя, что на сверкающем полу оставались следы грязи и хлопья засохшей крови, которые она содрала с рук, расчесав кожу до глубоких ссадин. Она старалась не опускать взгляд, не видеть бурые и красные пятна на ткани, но не могла перестать их чувствовать. Из-за них её невольно передёргивало.

Самая середина лета, но пот, покрывший её тело, был ледяным, от страха дыхание никак не выравнивалось, она глотала его порциями, не способная вдохнуть глубоко. Взгляд размылся, в глаза будто песка насыпали после продолжительных рыданий и истерики.

Высокие потолки, мрамором отделанные стены зала заседаний и роскошное убранство поражали, но ей не полагалось ни стула, ни скамьи. Преступникам не позволяли даже этого, несмотря на то что срочно созванное заседание длилось второй час. Из ряда вон выходящая ситуация для двух крупных Домов, поэтому встречу решили провести немедленно.

Вперёд выходили мужчины и женщины, большинство из которых она никогда не видела. Одни поглядывали на неё с опаской, другие – с презрением или ужасом, но никто не выказывал жалости или сочувствия. Как бы она ни пыталась сосредоточиться, голова оставалась вялой, сознание временами отключалось; всего мгновение спасительного мрака, и уже другой свидетель делился известными ему фактами перед Тобиасом и Неолаем – архонтами Чревоугодия и Кошмаров:

– Странное заметили соседи. Нил Деймос, магистр и выдающийся историк третьего сула, обнаружил её такой на пороге. Увидев его, она попросила помощи. Стражи правопорядка прибыли через пятнадцать минут в поместье distinguished Ореста и Софии Кайлос...

– На момент трагедии в поместье было два члена семьи, девятнадцать представителей прислуги, среди которых двое садовников, управитель и даже педагог...

– Прошу включить в дело важные сведения. Кириа София Кайлос была на седьмом сроке своей первой долгожданной беременности. Пара столько лет была уверена, что боги обошли их своим благословением, а тут...

Её замутило от осознания правдивости слов, грудь разрывалась от боли за Софию. Она была так счастлива. Они оба.

В глазах снова защипало от слёз, хотелось согнуться, чтобы пусть немного, но унять боль. И всё же она не посмела, зная, что стражи моментально вынудят её выпрямиться,

а может, и хуже: поставят на колени. Но она не могла себе такого позволить, продолжая официально носить фамилию Ореста и Софии, аристократов Дома Чревоугодия второго сула. Она не могла позволить поставить себя на колени, хотя бы ради них.

– П-простите, кирий, я м-мало что знаю. Разве что подружки рассказывали. Они на к-кухне у господ работали. Д-делились, что младшая кириа во сне ни с того ни с сего начала бродить... говорили, беспокойной стала в последний год. Временами сама не своя.

– А раньше? – раздался ровный голос Неолая, заставив плечи обвиняемой задрожать.

– Раньше п-плохого не болтали, кирий. Н-н-наоборот, тихая, замкнутая немного. Д-друзей почти не было, но п-прилежная, лучшая в классе, всегда в-вежливая, хоть и необщительная.

– Об изменениях в поведении приёмные родители знали?

– Н-нет, кирий. Евдоки... подруга м-моя сказала, что беспокоить господ не хотели. Кириа была беременна, а кошмары и хождения во сне у... младшей госпожи временной проблемой посчитали. Там... экзамены были на носу. Переживали они за младшую госпожу. Все её л-любили.

Женщина была из низших, она торопливо раскланялась, на обвиняемую глянула скорее случайно. Светлые глаза женщины, как блюда, округлились от страха, и она торопливо попятилась, явно испытывая дискомфорт от того, куда её вы-

звали прямо на рассвете.

– Экспертами был произведён осмотр места преступления. Убийства совершены одним и тем же предметом. Кинжал – предполагаемое орудие убийства – был найден в постели подозреваемой. Большинство жертв убиты во сне, удары хаотичные, нанесены в приступе то ли гнева, то ли страха. Удары беспорядочные и часто множественные.

– Есть ли выжившие?

– Нет, кирий, никого.

Лишь в конце, под взором десятка стражей, судей, архонтов и вызванных свидетелей, ей дали слово. Сперва она пыталась внятно рассказать о случившемся, пояснить, что ничего дурного не делала, что проснулась в собственной постели. Описала правду такой, какой её знала, но чем дольше говорила, тем больше сомнений на лицах присутствующих видела. Её слова, после всего услышанного, их не переубеждали, и она сорвалась на новую истерику: плакала и клялась, что любила своих приёмных родителей. Других она не знала, выращенная семьёй Кайлос с младенчества.

Архонты и их советники покинули зал на закрытое совещание, оставив её стоять на том же позорном месте в центре, спиной к десяткам палагейцев, которые все как один верили в её виновность. Стоило архонтам покинуть помещение, как те зашептались, игнорируя её существование, зная, что она не посмеет обернуться под взорами стоящих стражников.

– Милосердные боги, сколько там было? Двадцать одна

жертва?

– Представляешь? Жуть какая... а ей-то сколько? Вроде шестнадцать с половиной кругов прожила всего... Чудовище.

– Вот недаром ходят слухи, что сирот от Дома Кошмаров никто брать не хочет! Сегодня в очередной раз убедились.

– Она ещё по крови и сула третьего, а Кайлосы девочке столько любви подарили, в школу, куда отпрыски архонтов ходят, отправили.

– Эта змея даже беременную не пощадила, а после спать легла как ни в чём не бывало!

Голоса шептались, перебивая друг друга. Одни боязливо, другие рассерженно.

– Самого архонта Кошмаров подняли... Неужто правда грёзовая хворь опять?

– Опасаются небось.

– Прислуга их, конечно, сглупила, надо было сразу тревогу бить. Будто про грёзовую хворь не слышали? Позор! Что за образование в школах?!

– Слуги тут при чём?! Хвори разве что Дома Кошмаров и Зависти подвержены, всех детей на предрасположение проверяют. Больше вопросов к приюту! Они должны были взять анализы!

Голоса мигом умолкли от раскатистого гула гонга: решение принято. Всё тело одеревенело, мышцы ныли от долгого пребывания на ногах, цепи продолжали позвякивать от того,

как тряслись её плечи и руки. Озноб не слабел, не отпускал ни на миг, пока распахнутыми от ужаса глазами она смотрела, как возвращаются архонты и судьи. Нечитаемые взгляды скользили по ней, как по пустому месту. Гул после гонга должен был утихнуть, но он, наоборот, нарастал у неё в голове, заглушая все окружающие звуки. Шум достиг пика, и она, казалось, оглохла, когда Неолай – архонт Дома Кошмаров – вынес приговор.

2. Вега

– Договорились.

Несмотря на тщательную подготовку к нынешней встрече со знаменитым своей неуступчивостью Каем, его согласие на миг ввело её в ступор. Благо за годы практики она идеально владела умением сохранять одеревеневшую позу, чтобы не выдавать тревог. Такие, как Кай, не желают видеть сомнение в своих партнёрах. Это она уяснила, пока на протяжении недели всё свободное время изучала известные с ним сделки. Она также прочитала все доступные интервью, хотя за годы ведения бизнеса в Санкт-Данаме Кай дал их катастрофически мало, что лишь подтверждало его приверженность к скрытному образу жизни.

Краем глаза она заметила удивление на лицах Иво и Кассии. Разумеется, всё, что можно, об окружении Кая она выяснила, чтобы понимать, кто именно способен повлиять на его мнение, однако ни Иво, ни Кассия в беседу ни разу не вмешались. Это было и не нужно: по его стилю ведения переговоров Вега убедилась, что Кай и без поддержки способен довести любого собеседника, если пожелает. Вега не сомневалась в собственном профессионализме, но чутьё подсказывало, что Кай её не прижал, просто потому что не хотел.

Может, удача ей улыбнулась и он в хорошем расположении духа?

Или ему лень.

Кто знает.

Вега не привыкла задавать вопросы Фортуне, если она на её стороне.

– Благодарю за ваше время. Пожалуйста, ознакомьтесь с контрактом, а я пока przygotowю остальные документы, и сможем всё подписать на следующей неделе. В конце я прикрепила визитку с моими контактами. По любому вопросу нашего сотрудничества я доступна двадцать четыре на семь.

– Вы не спите, Вега? – уточнил Кай. Кажется, её угодливость его забавляла.

– Для вас не сплю.

Она не улыбнулась. Возможно, Кай воспринял бы ответ серьёзнее, если бы узнал, что это практически чистая правда.

– Всего доброго. – Она попрощалась с Иво и Кассией, на лицах которых отчётливо читалось недоумение.

– И вам, – ответила Кассия, когда Вега взяла свою сумку и встала.

– Мне показалось или я видела женскую версию Кая? – раздался за спиной тихий шёпот Кассии.

– Ха-ха. Очень смешно, совёнок, – передразнил Кай.

Вега никак не отреагировала, направившись к лифту. Она была вежлива, собрана и не позволяла себе вертеть головой, рассматривая их квартиру. Она знала, что Кай и без того сделал серьёзную поблажку, позволив провести встречу именно здесь, где никто их точно вместе не увидит. Поэто-

му меньшее, что она могла, — это засунуть свой интерес куда пода... Рука зависла в воздухе, так и не коснувшись кнопки вызова лифта.

Рядом был стильный чёрный комод, куда, вероятнее всего, складывали газеты, журналы и, возможно, ключи или какие-то безделушки из карманов верхней одежды, но взгляд невольно замер на одной из двух фотографий. Вега оцепенела. Фотография была уютной, семейной: трое мужчин расположились в их гостиной на большом чёрном диване. У одного из них был день рождения, потому что, несмотря на дорожную одежду, на головах красовались детские разноцветные колпаки, и судя по угрюмым лицам Кая и Иво, колпаки они нацепили не по собственной воле. Воодушевлённым и улыбающимся во весь рот был только Элион, который держал телефон на вытянутой руке, делая селфи.

— Вега, что-то не так? — позвал Иво, и Вега нажала кнопку. Она успела взять себя в руки и улыбнуться, обернувшись.
— Прошу прощения, просто задумалась.

Благо лифт подъехал сразу, и, намеренно игнорируя фотографию, Вега незамедлительно прошла в кабину. Она с уверенной расслабленностью нажала кнопку подземного этажа. Иво уже не следил, но она всё равно простояла столбом всё то время, пока спускалась, не желая, чтобы они что-то заподозрили, если проверят камеры.

Вега позволила себе достать из сумки влажные салфетки и вытереть вспотевшие ладони, лишь когда покинула лифт

и направилась к своей машине. Её передёрнуло от порыва холодного ветра, и она торопливо забралась в ещё тёплый автомобиль.

Она давно не вспоминала об Элионе, но от этой фотографии тоскливо заняло в груди, во рту вновь появился привкус сожаления – она выяснила всё слишком поздно. Узнав, что он тоже объявился в Санкт-Данаме тринадцать лет назад, она намеренно залегла на дно, чтобы случайно с ним не пересечься. Её возмутило, когда его обвинили в изнасиловании, вынудив бежать в мир людей. Она не верила в обвинения, зная, что Элион мог быть глупым, безрассудным, возможно категоричным, но насильником... никогда. С детства бесправное положение его матери, Камиллы, научило Элиона нескольким правилам, которым он строго следовал. Он презирал насилие над женщинами, ненавидел тех, кто их унижает, пользуясь собственной властью. И в школе, когда многим парням кружил голову подростковый возраст, а потомки аристократов нередко были ведомы банальными инстинктами, он границ не переступал и тем, кто назывался его друзьями, не позволял. Никаких идиотских заигрываний через ущемление или отбирание личных вещей, а влияние способностей допускалось разве что для шуток и игр, а не для унижения.

Она и о наёмниках слышала. К счастью, Кай разобрался с ними настолько оперативно, что о некоторых Элион и не знал. Зато Вега была в курсе и трижды анонимно отправила

Каю наводку. Она сработала чисто, и Кай на неё так и не вышел.

Вега сожалела, что выяснила правду слишком поздно. Сожалела, что нужные документы отыскала после его смерти – новость о ней была как гром среди ясного неба. День его похорон стал единственным исключением за все годы, когда она решилась тайно вернуться в Пелес. Всего на несколько часов, чтобы удостовериться, убедиться, что это не обман. Маттео был в ярости, узнав, что она так рискнула ради «глупости», но Вега сожалела лишь о том, что её надежды не оправдались. В том гробу действительно был Элион.

Из упаковки Вега вырвала ещё две салфетки, будучи не в состоянии избавиться от навязчивого ощущения склеенных пальцев, словно нечто невидимое оставляло липкие следы. Дыхание сбилось, движения стали более нервными и дёргаными. Она до скрипа обтёрла ладони, пытаясь забыть чувство засохшей на руках крови, отвлечься на тишину в салоне автомобиля и запах цитрусового освежителя. Каждое воспоминание она немилосердно гнала из разума, пока голова не опустела. Стало совсем тихо, и Вега отбросила все мысли, сложила использованные салфетки в пакет, который собиралась позже выкинуть, и завела автомобиль. У неё на сегодня остались дела.

– Тебе удалось с ним договориться?! – Лино от переизбытка эмоций хлопнул по столу рукой. Сидящий за ноутбуком Маттео бросил на старшего брата резкий взгляд и прикрыл ладонью две пустые чашки, в одной из которых раздражающе звякнула ложка.

Вытянувшись в струну, Вега кивнула. Лино громко расхохотался и ещё дважды ударил по столу. Маттео, похоже, догадался о такой реакции и предусмотрительно руки с кружек не убрал, чтобы ложка впредь не звенела.

– Я пятерых к нему отправлял, но он всех погнал вон! Как твоей девчонке удалось?

Лино, как всегда, мастерски заполнял собой пространство. Его голос был громким, тело большим, а жесты размашистыми и активными. Настолько, что и просторный кабинет Маттео начинал казаться каморкой. Смех Лино отражался от книжных стеллажей, потолка и пола, будучи буквально везде.

Вега не морщилась, хотя ненавидела громких собеседников. Поэтому в её машине радио всегда молчало, телевизора в её квартире никогда не было, а музыкой она искренне наслаждалась в очень редких случаях, как уникальным старым вином.

– Она талантливая, – бросил Маттео, практически не от-

рывающая внимания от монитора, увлечённый своими исследованиями. И всё же Вега заметила довольную ухмылку на его губах, поймала мимолётный одобрителный взгляд не начальника, а наставника.

– Думаю, можно начать подготовку к транспортировке ингредиентов и материалов, – подтвердила Вега, готовая незамедлительно приступить к работе.

– Детка, ты заслужила премию! – как и всегда, разбрасывался словами Лино, хлопнув Маттео по плечу, вероятно намекая, что это забота его младшего брата, так как официально Вега подчинялась исключительно Маттео.

– Мы с этим разберёмся, – заверил он и со вздохом закрыл крышку компьютера, примирившись с тем, что сосредоточиться ему не дадут. – А ты иди займись своими делами, у меня работа есть.

– Это мне в тебе всегда нравилось. Нездоровый трудоголизм. – Лино ещё раз хлопнул брата по спине, теперь уже явно намеренно. И, подмигнув Веге, покинул кабинет.

Они замерли, наслаждаясь повисшей тишиной и прислушиваясь к громким удаляющимся шагам. Только когда отзвуки присутствия Лино полностью стихли, Маттео расслабился.

Насколько Вега знала, Маттео искренне любил брата, но, несмотря на внешнюю схожесть, характеры у них были абсолютно разные. Общительного и наслаждавшегося всеобщим вниманием Лино замкнутый Маттео мог переносить ограни-

ченное время, поэтому держал с ним связь в основном через сообщения – он даже установил лимит на звонки, зная, что если снимет трубку, то это надолго.

Оставшись в компании одной лишь Веги, Маттео заметно повеселел. Плечи и осанка расслабились, на лице появилась хоть и усталая, но искренняя улыбка, от которой вокруг ореховых глаз собрались тонкие морщинки.

Маттео и Лино Наварро. Палагейцы из Дома Гордыни третьего сула. Весьма неплохой уровень сил, но незадолго до их рождения семья Наварро пришла в упадок и погрязла в долгах, из-за чего братьям пришлось самим думать, как устроить собственную жизнь. Не совсем легально, но они справились.

Сейчас обоим под сотню кругов, но для местных людей внешне они были в самом расцвете сил. Разве что тонкие мимические морщины да седина на висках могли выдать, что большую часть отведённого времени они уже прожили.

Вега обмякла, когда Маттео заключил её в тёплые объятия, оставив знакомый любящий поцелуй на лбу, который она получала после каждого идеально выполненного задания. Его широкая ладонь дважды описала успокаивающий круг по её спине. В этих объятиях не было ничего интимного, но они были сокровенными, личными мгновениями, когда её спаситель, потом наставник и начальник становился кем-то более родным, почти отцом. Вега не тешила себя иллюзиями, что Маттео добрый и порядочный гражданин. Он,

как и все связанные с криминалом и нелегальным бизнесом, ежедневно балансировал на грани закона. Он был причиной гибели не только людей, но и палагейцев, иногда убивал сам, но для Веги именно он стал спасением в тот самый миг, когда она в этом отчаянно нуждалась. Поэтому Маттео никогда не сомневался в её преданности, зная от чего спас, а Вега, в свою очередь, годами доказывала собственную полезность.

– Хорошая работа, – похвалил Маттео, отстранившись: миг отеческого одобрения закончился. – Пойдём. У меня для тебя кое-что есть.

Поправив стильный жилет на чёрной рубашке, он направился к двери слева, ведущей в коридор, к его личной лаборатории.

Лино был лицом их бизнеса, но настоящим гением и разработчиком в паре являлся именно Маттео. Лишённый необходимого таланта, Лино без младшего брата не сумел бы достичь тех высот, которыми наслаждался сейчас. Поэтому, хоть и не понимая замкнутости Маттео, Лино позволял ему жить отдельно, без пристального надзора десятка телохранителей и помощников. Разумеется, охрана была, но наблюдала за жильём Маттео со стороны, не пересекая личную территорию, а когда дело касалось ассистентов, Маттео был тираном, и лишь несколько лаборантов сумели выдержать его тяжёлый нрав. Вега же в благодарность за спасение поклялась стать для него идеальным компаньоном. Было непросто, но она научилась предугадывать желания даже специфических

собеседников – именно поэтому он решил, что Вега сумеет найти подход к несговорчивому Каю.

Оказавшись в светлой лаборатории, Вега замерла у порога, зная, что Маттео не любит мешающихся под ногами. Он принялся рыться в медицинских шкафах, сверяясь со своими записями в книге на соседнем столе. Вега не задавала лишних вопросов: Маттео сам всё пояснит, когда найдёт, что искал. Её взгляд прошёлся по новому оборудованию, холодильникам с кровью, среди которых была и её, по операционному столу в конце просторного помещения, скрытому за прозрачной шторой. Маттео не был хирургом, но помочь с травмами, порезами и пулевыми ранениями мог. Не раз он зашивал здесь Вегу, других важных подчинённых, некоторых знакомых или самого Лино.

– Вот. Я усовершенствовал рецептуру и переработал препарат в таблеточную форму, по одной в день хватит. Здесь тебе на месяц, с алкоголем не мешай. – Маттео помахал перед носом блистером и кинул в приготовленный им кейс. – Экстренных внутримышечных инъекций всего пять, не увлекайся, – продолжал инструктировать он, сложив уже наполненные автоматические шприцы аккуратнее.

Вега сдержала вздох облегчения и какие-либо признаки предвкушения, которые мог заметить Маттео. Она протянула руки, и, вероятно, это было слишком поспешно, потому что он нахмурился и отвёл кейс, не дав его забрать.

– Сколько экстренных ты в прошлом месяце использова-

ла?

Она с трудом подавила порыв соврать.

– Все пять.

Маттео поморщился и выругался. От его недовольного взгляда в груди заныло. Он запустил пальцы в русые выющиеся волосы, поскрёб затылок, а после убрал их назад со лба, раздумывая над чем-то.

– Если так продолжишь, то через год дозу придётся повысить, – резко предупредил он, но Вега знала, что беспокоится он не из-за траты ингредиентов, а за неё. Поэтому не заострила внимания на грубости тона. Беспокойство Маттео грело сердце, но она не могла бросить. Она контролировала потребление выписанных им препаратов, но страх оказался весомей силы воли. – Тебе придётся оттянуть этот момент, ясно?

Он был категоричен, у Веги пересохло во рту, когда он вытащил два шприца из пяти.

– Ты справишься. Основные инъекции и новые таблетки достаточно действенны, – сказал он, отдав ей кейс. Вега не посмела возразить и скованно кивнула.

– Ты ещё упоминал о новом варианте подавителя грёз, – намеренно отвлекла Вега.

Маттео тут же переменялся, в его взгляд вернулись восторженный азарт и мечтательность, которые охватывали всех гениев, когда им не терпелось проверить свою новую догадку.

– Точно, – встрепёнулся он и торопливо пересёк лабораторию. Открыл ключом дальний шкаф и принялся искать нужный кейс.

– Пока ты занят, могу я взять новый датчик со склада? Мой сломался.

– Конечно, – бездумно отреагировал Маттео, не повернувшись.

Вега вышла в коридор и свернула в соседнюю комнату, поменьше. Прикрыв дверь, она действовала чётко и бесшумно, прекрасно зная, в каких ящиках и что хранится. Она не стала считать количество ампул с желтоватой жидкостью – схватила, сколько могла, и спрятала их за пазуху во внутренний карман. К счастью, за расходным материалом Маттео не слишком следил. Он был хаотичен и мог несколько колб в сутки просто случайно разбить, а записывать подобные внезапные траты ленился. Спустя какое-то время он поручил Веге следить за расходниками. И это заметно облегчило кражи. Она подавила знакомое чувство вины, в глубине души ненавидя себя за обман. Вега безмерно ценила доверие Маттео, но выбора не было. Лишь мысль, что она этим никому не вредит, хоть немного притупляла шёпот совести.

Вега застыла, заметив шприцы с её собственным лекарством. Маттео сделал с запасом и часть оставил на хранение до следующего месяца. Веге нельзя было терять время и надолго здесь задерживаться: если её поймут, то это станет концом. Но она оцепенела, не в силах пошевелиться.

Пять шприцев в месяц и без того мало, а Маттео оставил ей лишь три. Мышцы отозвались неприятной вибрацией, внутренняя нужда умоляла взять хотя бы два, до стандартного количества, но совесть и мучительная боль предательства не позволяли.

«Ты справишься».

Она его уверенности не разделяла, но усилием воли бесшумно закрыла ящик, схватила новый датчик для сна из коробки и вовремя вернулась в лабораторию.

– Вот. Новая формула. – Маттео протянул ей один пузырёк. – Я учёл прошлые побочные эффекты, и этот должен быть лучше. Не мешай с таблетками.

– Я запишу результаты, – заверила Вега, убрав препарат в кейс.

– Как и всегда, – улыбнулся Маттео, и его доверие напоминало солнечный свет. Она ответила тем же – только в его присутствии Вега ещё удавалось не забывать, как ощущается искренняя улыбка.

* * *

Первый же шаг в квартиру сопровождался хрустом стекла под сапогом. Сердце Веги упало. От потока холодного воздуха пробрало дрожью. В квартире стояла крошечная темнота, и лишь в гостиной можно было разобрать очертания мебели благодаря неоновым вывескам с соседних домов, белый

тють дёргался из-за распахнутого окна. До зимы ещё месяц, но ночной воздух мог остудить помещение за считанные минуты. Как давно оно открыто?

Мысли охватила паника, но Вега заставила себя двигаться тихо, зная, что под ногами могут быть не только осколки.

Ей никто не звонил. Произойди что, то у дверей уже стояли бы скорая с полицией, квартиру бы вскрыли. Номер Веги указан экстренным – ей бы позвонили.

Она старательно убеждала себя, аккуратно пробравшись через опрокинутые вещи, и наконец закрыла окно. Далёкий гул сирен, едва слышной музыки и громкого смеха прохожих стихли вовремя, чтобы Вега успела разобрать шорох шагов и пригнуться. Пустая бутылка пролетела мимо и разбилась о стену. С животным воплем на неё набросились, худые руки принялись беспощадно колотить её по голове, босые ноги пинали.

– Стой, сто... – Удар по лицу вышел смазанным, но всё равно болезненным. Волну раздражения Вега подавила, сдерживаясь от ответного удара. Она схватила худую фигуру, попыталась поднять, чтобы девушка не бродила по стеклу, но та извивалась и верещала.

Работа на Маттео обязывала к знанию базовых приёмов самообороны, и Вега могла скрутить нападавшую меньше чем за минуту, но не хотела причинять больше боли, чем та причиняла самой себе.

– Это я! Тианна, это я... хвати...

От её голоса вопли Тианны сменились гневным криком:
– Ненавижу! Ненави-пф! Неффыфф...

Вега попыталась заткнуть ей рот рукой, чтобы соседи в очередной раз не вызвали полицию, но Тианна со всей дури пихнула Вегу локтем по рёбрам и укусила за ладонь. Боль была такой острой, что Вега бросила девушку на диван, надеясь, что хоть там нет осколков, и рванула к выключателю.

Вспыхнувший свет ослепил, Тианна застыла в напряжённой позе. Неестественно расширенные зрачки делали её глаза чёрными, оскаленные зубы и гримаса слепой ненависти исказили знакомые черты. И всё же она замерла в смятении, заморгала, глядя на Вегу, которая предусмотрительно не двигалась, давая Тианне время её узнать.

Зрачки уменьшились, открыв знакомые голубые радужки. Рыжие волосы были в беспорядке и придавали девушке ещё более безумный вид. Элегантная ночная сорочка на болезненно отощавшем теле Тианны напоминала тряпку, местами испачканную в крови. Однако Тианна не замечала боли, оставляя кровавые следы от ног на бежевой обивке дивана. Вега поморщилась, осмотрев квартиру: пустые и разбитые бутылки, порванные журналы, брошенные где попало книги, заполненная окурками пепельница, остатки еды на тарелках.

Она не навещала её всего неделю.

– Чего явилась, стерва?! Что тебе ещё надо?! Пришла посмеяться?! – с желчью выплюнула Тианна, заставив Вегу оцепенеть. Слова ранили болезненнее полученных ударов, хотя

укушенная рука продолжала пульсировать.

Тианна презрительно фыркнула, потянулась к кофейному столику, вероятно ища пачку сигарет, но, не найдя, выругалась, рассерженно смахнула тарелку с недоеденным сэндвичем на пол и, обхватив колени, сжалась на диване.

Вега понадобилось время, чтобы прийти в себя. Полгода всё было в порядке, Тианна шла на поправку, Вега была в этом уверена. Внезапный срыв, казалось, откатил назад всё, чего они с таким трудом достигли, и неожиданно для себя Вега не смогла собраться с мыслями, едва удержав взращённую надежду от распада на мелкие куски.

– Что случилось? Тебя что-то... расстроило? – аккуратно начала Вега, игнорируя собственную дрожь в голосе.

– Расстроило?! – вскрикнула Тианна, как и всегда в таких случаях цепляясь к словам. Она истерично расхохоталась: наигранно и с демонстративным отвращением к попыткам Веги завести беседу. – Катись в Тартар, предательница! Лживая, трусливая дрянь!

– Я принесла еды.

– Мне благотворительность не нужна! Видеть тебя не хочу! Это всё из-за тебя!

Вега проигнорировала боль – каждое оскорбление резало по сердцу – и принялась выкладывать контейнеры с едой на кухонный островок. Здесь тоже стоял бардак, но с ним Вега разберётся, когда успокоит Тианну.

– Во всём ты виновата, а притворяешься чуть ли не жерт-

вой! Будто злодейка здесь я! Лучше б ты сдохла тогда в тюрьме! Не встретить я тебя, жила бы счастливо!

Каждое обвинение из уст Тианны вырывалось с желчью, намеренно резко. Она искренне желала причинить как можно боли, но Вега знала, что сейчас устами её единственной подруги говорит сотворённое химическими реакциями чудовище, но никак не Тианна. Её подруга такой не была и никогда бы не пожелала ей смерти.

Вега вздрогнула, когда кинутая Тианной пепельница врезалась в кухонный островок; окурки рассыпались по полу.

– Слушай, когда я говорю! – крикнула Тианна, заметив, что Вега попыталась отключиться от потока её ярости.

– После еды я сделаю тебе одну инъекцию и поставлю капельницу, если обещаешь уgomониться, – ровно предупредила Вега.

Тианна замерла с раскрытым ртом, её глаза полыхали презрением, но новых оскорблений не последовало. Она наверняка надеялась на капельницу, но в то же время ненавидела, потому что лишь Вега могла её поставить. Она позаботилась о том, чтобы в этой квартире не оставалось раствора.

В тишине Вега протянула Тианне ложку и контейнер с едой: рис с жареным мясом и несколько закусок. Ложкой справится. Будь там хоть паста, вилку ей Вега бы не дала. Сердце подскочило к горлу от дурного предчувствия, что весь рис сейчас полетит ей в лицо, – в какой-то миг она действительно прочитала такое желание в глазах Тианны, но в

итоге подруга до скрипа сжала челюсти и забрала предложенный ужин.

Она начала есть, сперва то и дело бросая на Вега раздражённые взгляды, чтобы напомнить о своей ненависти, но затем перешла к демонстративному равнодушию. Вега тем временем молча поставила ей стакан лимонада и аптечку и принялась убирать бардак. Она успела смести осколки фоторамок и одной кружки, собрала недоеденную еду, а увидев разбитое зеркало в ванной, содрогнулась.

Опустевший контейнер Тианна пренебрежительно швырнула к остальному мусору на столе. Вега проглотила замечание, зная, что подруга ведёт себя как стерва намеренно. Знакомая ей Тианна была доброй, оптимистичной и скромной. Вега игнорировала горечь от пугающего шёпота в голове, убеждавшего, что она обманывает себя и та Тианна умерла четыре года назад, а Вега пытается удержать изуродованную оболочку.

Нет.

Ей был дан выбор, и она предпочла бороться за Тианну. Она не имеет права сдаваться. Нынешний провал – очередное падение, но победы достигает не тот, кто не падает, а тот, кто не сдаётся.

С гримасой отвращения, но молча Тианна позволила проверить свои ступни и обработать порезы. Вега тоже держалась напряжённо, помня старые ошибки, когда Тианна выходила из себя внезапно и её пятка летела Веге прямо в че-

люсть. Теперь она была настороже. После подруга гордо прошествовала в спальню, руку для иглы она давала покорно, ожидая свою любимую часть. Вега подавила внутреннее сопротивление: она всё делала правильно, приступ уже произошёл, и придётся вновь начинать сначала, — но не могла не ощущать гнетущего разочарования, будто своими руками уничтожает все достижения, вкалывая инъекцию Тианне в плечо. Одна из разработок Маттео с примесью плазмы представителя Дома Соблазна. Маттео всю жизнь посвятил изучению и составлению новых медицинских препаратов, экспериментируя со всевозможными ингредиентами, включая кровь представителей разных Домов. Разумеется, в процессе получалось всякое: от полезных медикаментов до смертельной отравы. Маттео не стремился разрабатывать опасные стимуляторы, но Лино возможную прибыль не упускал и реализовал всё, что у брата получалось интересного и имело потенциал. С появлением Элиона и Кая Лино пришлось поумерить свои аппетиты, и прежние дела если и велись, то максимально скрытно, а большую часть сил он бросил на легальные медицинские инновации. Однако Маттео продолжил эксперименты в своей лаборатории.

Этой сыворотки она украла у Маттео всего четыре шприца, в глубине души надеясь, что они не понадобятся никогда, но, к несчастью, предчувствие не ошиблось. Напряжённые мышцы лица Тианны расслабились, на губах заиграла знакомая улыбка, делая её наконец похожей на саму себя. Взгляд

смягчился.

– Я была резка, – признала она.

Это ещё не извинение, но эйфория совсем скоро её настигнет, и из свирепости и гнева подругу бросит в другую, не менее лживую версию себя, где она будет извиняться, задабривать Вегу ласковыми словами и мольбой, лишь бы в будущем получить больше инъекций.

– Всё в порядке, – отреагировала Вега, понимая, что в ближайшее время вряд ли увидит настоящую Тианну.

Вега поставила ей капельницу, которая смягчит действие инъекции и продлит её эффект на несколько недель. Тианна, счастливая, свернулась под пуховым одеялом и довольно быстро уснула с блаженной улыбкой на губах.

Вега тяжело опустилась на ближайшее кресло и спрятала лицо в ладонях, пытаясь смириться с провалом. На протяжении лет их было много, но последние полгода подарили надежду на выздоровление подруги. Это была не выдуманная, не слепая и не притворная надежда. Вега еженедельно подкрепляла результаты сбором анализов. Валентин – один из лаборантов Маттео – втайне ей помогал, изучая их. Парень не задавал вопросов, возможно обо всём догадываясь, но держал исследования в секрете и помог анализировать результаты. Сдай её Валентин, и Тианна скорее всего уже была бы с пулей в голове, а сама Вега... Кто знает. Стерпит ли Маттео от неё предательства, если выяснит, что она ослушалась его приказа и не прикончила Тианну? Она хорошо

её спрятала, да Маттео и не проверял, безоговорочно доверяя Вега, но выполнять его поручение она не хотела. Точнее, просто не смогла. И теперь она сомневалась: не было ли задание Маттео милосердием?

«Химические реакции у неё в голове непоправимо изменены, Вега. Мне это не вылечить. Ты думаешь, что её можно починить, но там чинить нечего. От Тианны ничего не осталось».

С каждой неудачей Вега всё чаще возвращалась к словам Маттео, когда он отмёл крупички надежды на выздоровление Тианны. Он не верил с самого начала, но попытался только под давлением и мольбами самой Веги.

От Тианны ничего не осталось.

Тогда она не понимала.

Вега раздражённо потёрла лицо ладонями, пытаясь унять тошноту. В желудке было пусто, но её мучило, и вместе с тем нестерпимо хотелось выпить.

«Я была резка».

Резка, но правдива.

Вега встала, притушила свет и ушла в тишине прибирать квартиру. Она вычистила кухню, гостиную и ванную, расставляя всё по своим местам, приводя жилище в нетронутое срывом подруги состояние. Та не проснулась, когда Вега убрала опустевшую капельницу и вытащила иглу из её руки.

Там же на столе она оставила для Тианны новую книгу, второй шприц с инъекцией и записку с тщетной просьбой

применить его только вечером. Вега знала, что она всё равно с жадностью использует его сразу, как только проснётся, чтобы продлить эйфорию. Вега устало собрала свои вещи и ушла, не рискуя спать в гостиной Тианны, которая в нынешнем состоянии могла поддаться ненависти и придушить или заколоть её во сне.

3. Элион

Элион оторвал ладонь от земли и пальцами коснулся маковых бутонов. Он так и остался на коленях, упиваясь мягкостью лепестков. Голова опустела, позволив насладиться спокойствием, обширной тенью ивы и мягким прикосновением ветра. После возвращения он с особой вдумчивостью обращал внимание на, казалось бы, обыденные подарки жизни.

– Думаешь, Сирше место бы понравилось?

Элион тут же встал и, отряхнув землю с рук, обернулся к подошедшей Кассии:

– Я не подумал спросить, но, наверное, да.

Она ответила благодарной, но слабой улыбкой. Однако не смогла скрыть бдительность во взгляде, который мимолётно, но намеренно скользнул по его руке с перстнем. Напряжение в её позе ощущалось нутром. Элион понимал. Всего полтора дня прошло, как они выбрались из мира сумеречных ониров, он сам не до конца верил в произошедшее, то и дело спрашивая, не сон ли это.

– Я... просто хотел поздороваться, – неловко признался Элион, кивнув на могилу Сирши под плакучей ивой. – Знаю, что мы не были друзьями, но она спасла меня от забвения.

Улыбка Кас стала чуть шире.

– Похоже на Сиршу. – Пауза затянулась, но Элион не встревал, дожидаясь вполне очевидного вопроса, который

Кассия так и не успела задать. – Как она?

– Выглядит роскошно, как и раньше. Заставила самого бога смерти нанять её в качестве секретаря. Думаю, такой силой воли даже архонты не могут похвастаться.

Кассия издала смешок и перестала заламывать руки. Элион обнял её за плечи, прижав к себе. Как только Кассия ответила на объятия, Элион облегчённо вздохнул, ощутив, что ему они нужны не меньше, чем ей. Доказательство, что Кас не призрак, не иллюзия и не игра его воображения, а если она настоящая, то и Переправа, и дом с Каем, Вестой и Иво тоже.

– Пойдём, Гипнос хочет поговорить, – объявила Кассия, потянув Элиона домой.

Он безропотно пошёл за ней, сжимая руку подруги. Её лицо совсем немного, но повзрослело, в глазах появилось спокойствие, а улыбка стала мягче. Белые волосы она заплела в свободную косу, длинную, как он помнил. Не Расскажи Кас, что спустя месяц после его смерти она срезала их, чтобы оживить Кая, то Элион разницы в длине и не заметил бы.

Вчера они проговорили весь день, пытаясь рассказать Элиону всё, что он пропустил: от пленения Кая и убийства Мелая до открытия нового мира и того, что Кассия успела принять и сложить венец архонта. Больше четырёх лет. У Элиона голова шла кругом от одной мысли, что он отсутствовал больше четырёх лет. По его ощущениям, в мире сумеречных ониров он провёл не дольше нескольких месяцев.

Гипнос попытался порассуждать, что это связано с грубым переносом его души с земель ожидания, вероятной близости со сверхмассивным объектом, бормотал о какой-то дилатации времени и кривизны пространства, чем сильнее запутал Элиона, разум которого отключился ещё на середине озвученной теории.

Лучше всего его чувства понимал Кай, который потерял год воспоминаний из-за открытия новой Даории. Элион слишком хорошо знал Кая, поэтому оттащил Иво в сторону одного, чтобы выяснить, как на самом деле он провёл годы без Кассии. С Элионом Иво был беспощадно откровенен и рассказал, как Кай то и дело слетал с катушек и дважды попал в серьёзные автомобильные аварии. Ни с Кас, ни с Вестой Иво подобным не поделился, и Элион был несказанно этому рад, но одновременно испытывал вину за то, что оставил Иво со всем разбираться в одиночестве. Хотя мелкий говнюк, который изменился сильнее остальных, последующих порывистых объятий не оценил, ощутимо ткнув Элиона по рёбрам. Он ещё помнил удар по лицу и теперь уже сомневался, так ли легко скрутит засранца.

Полтора дня заняли разговоры о прошлом и лечении Кая, который, как оказалось, не мог существовать без ахакора. Микель восстановил ему татуировку и удлинил почти до плеча. Такой объём металла для другого палагейца был бы излишним и даже вредным, но, по словам Гипноса, его сыну в самый раз. Второй день Кай проводил под круглосуточ-

ным наблюдением Гелиона, что «пациенту», разумеется, не нравилось. Поэтому, зайдя в дом, Кассия и Элион обменялись понимающими улыбками, различив со стороны кухни очередную перепалку.

– Этого должно хватить, а с завтрашнего дня ограничимся таблетками курсом на один месяц. Нужно снизить уровень тревоги и накопленного стресса. Именно они способствуют усилению кошмаров, – донёсся уравновешенный голос Гелиона, который инструктировал Гипноса, Мороса, Иво и Весту по дальнейшему лечению. Все были здесь, кроме Пандеи Лазарис, которую Гелион настоятельно отправил домой под присмотр врачей Дома Зависти, и Мейв. Ни ей, ни матери – Камилле – решили не говорить про Элиона, чтобы не давать надежду, пока не уладят проблему с его нитью.

Сын архонта Гнева скрутил использованную капельницу и приветственно кивнул зашедшему Элиону и Кассии. Внимания Кая тоже устремилось к ним. Если Кассию он по привычке взял за руку и подтянул к себе, не вставая со стула, то при виде Элиона Кай, как и вчера, оцепенел, казалось, перестал дышать, не до конца веря собственному зрению после слишком длительного погружения в галлюцинации. Элион намеренно хлопнул его по плечу, доказывая, что реален, улыбнулся и сел на свободное место за кухонным островком, на котором были разложены инструменты и лекарства Гелиона.

– Его усиливающая эмоция тоже пользы не приносит, –

продолжил ворчать Гелион, собирая свои вещи в сумку.

– То есть за время моего отсутствия ты стал парнем моей сестры и врачом для Кая? – поинтересовался Элион.

Первую новость – про то, что Веста встречается с Гелионом, – он воспринял положительно: Гелион ему нравился.

– С его тягой к проблемам и ненавистью к целителям – для Кая я не только травматолог, но и психотерапевт, – дополнил сын архонта Гнева.

– Ой, да заткнись, – тут же отозвался Кай.

– Я пропущу это мимо ушей, потому что ты младший брат моей любимой девушки.

– Твоя башка при тебе лишь потому, что ты ей по какой-то причине нравишься. Смотри, можешь и разонравиться, – в своей привычной манереотреагировал Кай.

Веста закатила глаза, остальные за перепалкой тоже наблюдали спокойно, вероятно, привыкшие к их диалогам, один Элион проглотил смешок, видя то, что не понимали другие: Каю действительно нравился Гелион, но он проверял его на слабости и пытался прогнать раньше, чем тот станет Весте по-настоящему дорог. Элион прекрасно знал, как выглядит презрение Кая: не воспринимай он Гелиона всерьёз, то не стал бы с ним даже разговаривать. Кай бы избавился от его присутствия одним щелчком пальцев, наплевав, сын он архонта или нет. В конце концов, Кай сын Гипноса и владеет землями Фобетора – вполне в его силах сделать так, чтобы Гелиона утащили керы.

– У тебя посттравматическое стрессовое расстройство, смирись уже с этим. Будь большим мальчиком и ешь таблетки, которые я прописал, – намеренно безэмоциональным тоном отмахнулся Гелион, но лекарства он передал Весте, а затем без стеснения поцеловал её в губы, забрал свои вещи и ушёл, пообещав вернуться завтра.

С его уходом всё внимание приковалось к Каю, который тяжело вздохнул и, одной рукой обняв Кассию за талию, притянул к себе.

– Я в порядке, – заверил он, зная о всеобщем беспокойстве.

Иво подтвердил его слова коротким кивком, похоже, считывая враньё не хуже детектора лжи. Его взгляд почти сразу переместился на Элиона, который тут же ощутил давление. Он – нынешняя проблема, которую необходимо решить. Элион бездумно крутанул перстень Танатоса на пальце, а почувствовав внимание Кая, накрыл его ладонью, чтобы не усиливать его тревоги. Если он не воспринимал своё здоровье всерьёз, то Элиону придётся думать об этом за него.

– Есть какие-то мысли? – первым заговорил Элион, обращаясь к Гипносу и Моросу.

Братья переглянулись, Морос начал первым:

– Ещё две-три недели ты пробудешь на Переправе. Мы проведём эксперименты, убедимся, что ты способен отправиться в Санкт-Данам.

– В чём может состоять сложность? – К Каю вернулся де-

ловой настрой.

Он отпустил Кас, которая села на свободный стул, пока Веста принялась готовить кофе. Элион невольно вытянулся, чтобы понаблюдать за ней. Ему хотелось запомнить все привычки и образы своих близких, каждый час казался ему драгоценным.

– В отсутствии у него тела, – прямо ответил Гипнос и обратился к Элиону: – Дай руку.

Элион покорно протянул раскрытую ладонь над столом, удержавшись от желания её отдёргнуть, когда в руке бога сна появился нож.

– Я аккуратно, – пообещал Гипнос не столько Элиону, сколько моментально напрягшемуся Каю, будто тот не верил даже отцу, хотя Элион протянул руку, на которой не было кольца, и стащить его с пальца Гипнос никак не мог.

Гипнос повёл плечами, воровато глянув на Весту, которая под стать младшему брату пристально следила за каждым его движением.

– Хватит на меня таращиться, – обиженно буркнул он. – Я искренне хочу сохранить парню жизнь, хочу вернуть его не меньше, чем вы, поэтому любые мои действия направлены на решение проблемы.

Ни Кай, ни Веста не расслабились, на что Гипнос издал страдальческий вздох, взял руку Элиона и оставил неглубокий порез на пальце. Бог сна улыбнулся, когда Элион вскинул на него изумлённый взгляд.

– Никакой боли, – пояснил Элион.

– Это не всё, – привлёк внимание Морос, указав на рану. Успела набежать лишь крохотная капля крови, прежде чем порез затянулся.

Иво и Кассия заинтригованно подались вперёд.

– И ещё кое-что, – бросил Гипнос и одним уверенным движением нанёс более глубокий порез, едва не срезая часть подушечки.

Элион ахнул, кровь полилась на столешницу. Он усилием воли сосредоточился на истинных ощущениях, и страх боли растаял: он и в этот раз не почувствовал ничего, разве что слабый зуд. Однако его выступившая кровь и неровные края раны распались на чёрные хлопья. На несколько секунд они отделились, и сердце Элиона упало от воспоминаний, как он буквально растворялся, оказавшись в прошлом на Переправе. Но в этот раз хлопья мгновенно вернулись в рану и буквально залатали разрыв, убрав не только порез, но и кровь, не оставив шрама.

Кто-то растерянно ахнул.

– Я видел нечто такое, – признался Элион, потеряв палец. – Это было, когда Грайи вытолкнули меня ненадолго на Переправу из сумеречного мира, тогда они создали щель и велели отнести осколок Пандее Лазарис. Но я не знал, что она будет ребёнком, я понёс её на маковые поля, но не смог дойти до дома. Я начал буквально распадаться на части. Грайи предупреждали, что у меня будет мало времени и я

обязан вернуться в сумеречный мир.

Морос и Гипнос кивали, слушая его сбивчивый рассказ.

– Это всё из-за отсутствия тела и входа, точнее, двери в сумеречный мир, а именно зеркала, – взялся за объяснение Морос. – Ты стал следопытом смерти, Грайи это поняли и сумели протолкнуть тебя через щель, но в этом случае ты оставался изъязном на Переправе, поэтому ты начал... вроде как разрушаться. Ты не чувствуешь, но сам полностью состоишь из этих хлопьев. Артефакт Танатоса в какой-то мере создаёт твоей душе физический облик, хрупкую поверхностную оболочку, которая держит единую форму. Но предполагаю, что скорость восстановления может быть разной из-за серьёзности и количества травм. – Он указал на недавно зажившую руку.

Элион озадаченно моргнул, на лицах остальных читалось схожее недоумение. Гипнос сжал нож, а после сотворил знакомую магию: клинок прошёл через его ладонь и с лязгом упал на столешницу.

– Вы все знаете, что мы можем на время менять структуру объектов, чтобы они становились легко проходимыми, например стены или пол. Этот талант есть у меня, Мороса, Камаэля, Весты и даже у Кассии, хотя ей овладение навыком даётся тяжело. Настолько, что она до сих пор с ним едва справляется, – напомнил Гипнос и дождался согласного кивка от Элиона. – Но Танатос был первенцем. Он хоть и мой брат-близнец, но родился старшим, и он единственный

обладает второй стороной этого дара.

Гипнос хлопнул ладонью по столу, но место удара стало тёмным, потеряло целостность, и его рука прошла сквозь столешницу, а затем вновь наружу, и столу вернулся белый цвет мрамора.

– Мы меняем структуру объектов, делая их иллюзорными и легко проходимыми, но Танатос мог менять свою структуру. Ему не нужно было делать стены иллюзорными, чтобы пройти, он делал иллюзорным себя, своё собственное тело.

Элион застыл с приоткрытым ртом, не сразу поняв разницу.

– Это значит...

– Он был практически неуязвим, если видел опасность, – первым догадался Кай.

– Верно, – согласился Морос. – Он мог спастись от пронзавшего его лезвия или пули, вовремя сделав себя иллюзорным. Но у судьбы дерьмовые шутки. Убивший его взрыв был слишком неожиданным, брат не успел среагировать.

Хреново.

На кухне повисла тишина, но уже не настолько скорбная или гнетущая, как раньше, – скорее намеренная, в знак почтения погибшим.

– С артефактами смерти этот талант передаётся его следопытам, чтобы они могли выполнить его поручения, – продолжил Гипнос. – Но мы возвращаемся к главной проблеме. Твоё тело. Обычно Танатос делал следопытами умирающих

или недавно погибших. То есть он возвращал души в тела и давал им способность излечиться и получить неуязвимость. Но ты... я бы сказал, что сейчас ты не распадаешься только благодаря перстню, и если ты его снимешь, то велика вероятность, что твоя душа просто распадётся на части и исчезнет.

Теперь тишина ошеломила. Под изумлёнными взглядами Элион неловко улыбнулся и кивнул:

– Танатос предупреждал об этом. Не такими фразами, но, по его словам, шансы были пятьдесят на пятьдесят, что я вообще попаду на Переправу, а не растворюсь в бесконечности.

Лицо Кая приобрело знакомое нечитаемое выражение, как в те моменты, когда он слышал то, что его злило.

– Позволю себе предположить, что шансы были тридцать на семьдесят и успех был не на твоей стороне, – озвучил невесёлую истину Морос. – Но всё переменялось из-за нити и Весты.

Дочь Гипноса напряглась, держа турку с кипящим кофе.

– Грайи сказали, что нынешний путь – моя судьба, – припомнил странную фразу богинь Элион.

– Вполне возможно, – не стал отрицать Гипнос. – Необычное течение судьбы, но то, что нить не исчезла, доказывает, что что-то не так. Веста, покажи мне край.

Нехотя Веста отставила турку, отступила от отца на пару безопасных шагов, и лишь тогда в её руке появился знакомый кубок. Она достала скомканный золотой клубок, свет моментально рванул к Элиону, сделав нить, которая тяну-

лась к его груди, видимой. Он слабо тронул её пальцами, и нить отозвалась лёгкой вибрацией. Веста не отдала моток отцу, позволила разве что из её рук взглянуть на второй конец.

– Он похож... на начало, – нахмурившись, бросил Морос.

– Что? – не поняла Кассия.

– Сперва плетётся нить судьбы, она создаётся с запасом, всегда длиннее, чем надо, а затем судьба дарует ей свет. Там, где свет обрывается, наступает конец, и Атропос отрезает излишек. Начало у нити очень аккуратное, напоминает петлю, но конец – это всегда срез. У Элиона же... конец заканчивается такой же аккуратной петлёй.

Элион растерянно пожал плечами, когда все посмотрели на него, будто он мог знать ответ.

– То есть свет заполнил всю нить с излишком, но мойры эту странность пропустили? – вмешался Иво.

– Могли, – согласился Морос. – Слишком много нитей в их распоряжении, чтобы следить за всеми. Тем более если свет залил всю нить, то такова воля судьбы, а мойры лишь проводницы.

– Выходит, у судьбы Элиона... именно у его судьбы, а не жизни – нет завершённости? – предположила Кассия.

Гипнос то ли заинтересованно, то ли ошарашенно уставился на нить в руках дочери. Взгляд отца Весте явно не понравился, и она спрятала нить в чашу, а ту – в своей груди. Связь между братом и сестрой ещё какое-то время горела, но вскоре перестала быть видимой.

– Возможно, нам предстоит это узнать, – согласился Гипнос и повернулся к Элиону. – Сперва нужно проверить, сможет ли перстень... держать форму тела целой, если ты покинешь Переправу, или же ты в состоянии существовать исключительно в оплоте снов и иллюзий, где до сих пор сохранены способности Танатоса, – без лишнего приукрашивания пояснил Гипнос. – Мы проведём тесты, удостоверимся, что для тебя это безопасно.

– Звучит как план, – решил Кай. – А мы пока в Санкт-Данаме начнём поиск того, кто избежал смерти.

– Вы не сумеете, – нехотя возразил Гипнос. – Вам нужен следопыт. Только он почувствует того, кто носит схожий артефакт смерти.

– Если я смогу отправиться в Санкт-Данам, то как мне это сделать? – уточнил Элион.

– Ты ощутишь при встрече. Точнее, контракт сформируется при прикосновении, – подсказал Морос.

– Не очень-то обнадеживает. Население Санкт-Данамы более десяти миллионов, – озвучил неутешительную истину Иво.

– Но артефакт Танатоса способен использовать лишь палатеец. Выходит, подозреваемых не более полутора миллионов, – отмёл Кай, как всегда дробя большую проблему на короткие последовательные задачи. – Это ничего не меняет. И без Элиона мы можем навести справки. Артефакт наверняка сразу определили как древний, а значит, сперва он за-

светился либо у коллекционеров, либо на чёрном рынке. Я ставлю на второе, мы начнём оттуда.

4. Вега. Прошлое

После третьего удара нож начал входить в плоть легко, без сопротивления. Орест Кайлос уже давно был мёртв, как и его беременная жена, София. Простыни и их ночные одежды насквозь промокли от крови. Адреналин дал силы, чтобы девушка десятки раз вогнула лезвие в тела, но теперь её трясло и лихорадило. Она тяжело хватала ртом воздух и раскачивалась, опьянённая смесью облегчения, болезненной радости и ужаса. Резкий запах крови наполнил спальню – казалось, привкус ощущался даже во рту. Нож выскользнул из вспотевших и перепачканных в крови рук, она наклонилась, но её сильно повело в сторону. Упав на колени, в полумраке она нащупала оружие и, схватившись за стойку балдахина, неуклюже встала. Её собственная сорочка липла к телу, пропитавшись чужой кровью.

Нетвёрдым шагом девушка направилась в коридор. Постоянно натыкаясь то на одну стену, то на другую, она побрела в свою спальню. Тихо выругалась, споткнувшись о мёртвое тело служанки. Рядом кто-то захрипел, другой слуга вяло двинул рукой – он был ещё жив. Пальцы едва сгибались, когда она попыталась сжать рукоять ножа, пол под ногами плыл, поэтому удар лезвием по грудиने мужчины вышел неаккуратным; он громко застонал. Она ударила ещё несколько раз по шее, пока он не испустил последний вздох.

Девушка хотела что-то сказать, но в горле пересохло, язык распух. Она стёрла пот со лба, но в итоге сильнее запачкала лицо и волосы чужой кровью. Спереди платье почти полностью окрасилось в красный. Хватаясь за стену, девушка поднялась, неуклюже обернулась, чтобы столкнуться взглядом с собственным отражением.

Она закричала и очнулась, глаза удалось раскрыть, но тело осталось безвольно лежать. Ни рот, ни язык, ни голосовые связки не работали, вопль ужаса эхом звучал в голове, пока окружающие тени удлинились, а пугающий шёпот заполонил камеру. Она силилась пошевелиться, но по телу словно пробегали токовые разряды, дышать было нечем, и она беспомощно хватала ртом воздух.

Устрашающий шёпот оборвался, тени вернулись на свои места, когда надзиратель постучал палкой по решётке.

– Завязывай с вознёй! – строго предупредил мужчина. – У остальных мурашки от твоей ночной болтовни. Прекращай бродить, полоумная, а не то вернёшься в железный склеп, если опять истерику устроишь!

Рука поддалась и дёрнулась, за ней нога, а потом и всё тело. Девушка с трудом села, дрожа в пропитанной потом короткой тунике. Она оказалась на полу и понятия не имела, когда и почему вылезла из кровати. Заморгала, различив тёмные стены своей камеры – благо в этой было небольшое окно, – разглядела стража у решётки и три пары заинтересованных глаз из камер напротив.

– В железный склеп хочешь, а?! Отвечай, кому говорю! – рявкнул страж, когда заключённая с трудом проглотила вязкую слюну.

– Н-нет. Я... я буду в-вести себя... тихо, – не своим от хрипа голосом пообещала она.

– Задолбала, – себе под нос бросил стражник и ушёл.

Она так и замерла на холодном полу, пытаясь восстановить дыхание и прийти в себя. Небо за маленьким окном едва заметно бледнело, но этого света хватило, чтобы нервно осмотреть руки. Она знала, что увиденное не более чем кошмар, ладони были чистыми от крови, но она расчесала кожу до ссадин, стараясь избавиться от навязчивых ощущений. Желудок мутило, вязкий металлический привкус до сих пор чувствовался во рту.

Она более не издавала громких звуков, поэтому заключённые напротив потеряли к ней интерес и разбрелись по койкам. Сперва их держали в общей камере, но после того, как она принялась говорить и ходить во сне, другие преступники отказались с ней ночевать. Слухи о причине её заключения и грёзовой хвори распространились быстро, и девушку переселили в отдельную камеру. Нередко её запирали в железном склепе на несколько ночей из-за начинавшихся приступов. Якобы она кричала, ходила, била всё, что под руку попадалось, хотя помнила не это, а только кошмары, в которых она жестоко расправлялась со своей семьёй. И если сперва по пробуждении её пугали сами картины, то теперь,

спустя десять месяцев в тюрьме, она испытывала всепоглощающий ужас от эмоций, которые переживала в этих кошмарах. Там не было раскаяния, лишь нездоровое удовлетворение проделанной работой, там трепет от содеянного пьянил не хуже крепкого алкоголя.

Она содрогнулась, едва сдержав рвотный позыв. Пришлось закрыть рот ладонью, чтобы подавить второй и третий. Согнувшись и опустив голову как можно ниже, она начала дышать ртом, силясь унять тошноту, и принялась нервно тереть старый рубец на среднем пальце левой руки, чтобы успокоиться. В детстве она носила там кольцо и концентрировалась или успокаивалась, проворачивая его на пальце, но все вещи отобрали, и только шрам был воспоминанием, которое у неё не могли отнять. Он не давал забыть о том, кто с детства привносил хаос в её размеренную жизнь. Иронично, что в тюрьме именно мысли о её худшем друге – единственное, что успокаивало. Она хотела бы вспоминать лица Ореста и Софии, но из-за начавшихся кошмаров не могла видеть их счастливыми, не смела восстанавливать в памяти их улыбающимися и смеющимися. Все картины о приёмных родителях были заполнены кровью, опьяняющей эйфорией и ножом в её руке.

На суде она клялась, что ничего с ними не делала. Рыдала, умоляя её поверить и найти настоящего убийцу. Она была отчаянно искренна. По крайней мере, так думала, пока в тюрьме её не начали мучить воспоминания, которые бы-

ло невозможно ни подделать, ни оправдать, ни объяснить. И эта истина подкосила её сильнее остального. Она потеряла веру в свои слова и даже себя не могла убедить в собственной невинности, осознав, что она сама себе враг. Убийца, которому в душе мечтала отомстить.

Уже будучи в заключении, она трижды сдавала анализы на грёзовую хворь, все они приходили отрицательными. Это и несовершеннолетний возраст сохраняли ей жизнь, потому что смертная казнь не применяется до совершеннолетия, которое настигнет девушку через семь месяцев. И если сперва она жаждала правды, то теперь пыталась от неё скрыться, смиренно дожидаясь конца своих дней в тюрьме.

– Эй!

Она не отреагировала – обняв колени, так и осталась сидеть на полу, боясь возвращаться на свою койку. Сон не приносил ей ничего, кроме кошмаров и последующего сонного паралича, она так боялась спать, что отключалась лишь раз в несколько дней, будучи не в состоянии больше бодрствовать.

– Пс! Чудная! – опять позвал Макей из камеры напротив.

Низший из Дома Раздора, посадили на год за мошенничество. Девушка решила, что он совсем отбитый, потому что был одним из немногих заключённых, кто продолжал с ней общаться.

Она нехотя приблизилась к решётке, уже зная, что он не прекратит попытки её дозваться, а в итоге стражник вернётся и их обоих отправят в железные склепы.

– Держи!

В плечо что-то врезалось, она вздрогнула и едва успела подхватить это раньше, чем оно ударилось о грязный пол. Она с недоумением разжала ладонь, не сразу поняв, что держит самый настоящий...

– Это абрикос, чудная! – в привычной ему жизнерадостной манере выдал Макей, будто она фрукты и ягоды никогда не видела. Хотя девушка так долго таращилась на плод, что вывод был не лишён смысла.

Макей общался с ней неформально, не зная, что она от рождения третьего сула, а выросла в семье аристократов. Но Макею фамилия Кайлос ничего не говорила, а её гул он ощутить не мог: всем заключённым делали ахакор принудительно, чтобы они не пытались использовать способности на стражниках.

– Откуда? – хрипло, едва ворочая языком, спросила она.

– На ужине давали, а ты ж его пропустила. В отключке была. Стражники тебя не добудились. Воды нет, но ты пить, наверное, хочешь. Ничего другого предложить тебе у меня нет, – бесхитростно объяснил он.

Стало совсем непонятно, за какое мошенничество Макей сюда попал, как с его натурой он вообще мог кого-то обмануть. Макей не впервые делился своей едой, которую было не так просто умыкнуть из столовой, но при этом ни разу ничего не просил взамен, ему хватало и общения.

– Сколько в этот раз продержалась? – воодушевлённо по-

интересовался он, сверкая белозубой улыбкой в полумраке.

Девушка с трудом откусила кусочек мякоти, сладкий сок растёкся по языку. К счастью, тошнота не вернулась, однако челюсти работали скованно, и она опасалась прокусить неповоротливый распухший язык, но ей действительно полегчало – горло перестало саднить.

– Почти три дня.

Макей присвистнул, словно это соревнование, а она спортсмен по отказу от сна. В какой момент отключилась в этот раз, девушка не помнила, как и не представляла, сколько проспала. Голова была ватной, последние силы она потратила на то, чтобы съесть абрикос.

– Знаешь, чудная, я бы на твоём мес...

Продолжения она не услышала за внезапным взрывом, который разнёс несколько стен. Девушка отлетела в сторону, как тряпичная кукла. Удар о кирпич выбил дух, поднятая в воздух пыль и каменная крошка взметнулись вверх, полностью скрывая из виду коридор. В ушах стоял назойливый монотонный гул. Других звуков она не слышала, но разглядела, как кто-то снял дверь с петель и беспрепятственно зашёл в её камеру. Она не нашла в себе сил встать, даже когда к ней приблизилась огромная фигура. Свет фонарика ослепил, на лицо нацепили какую-то маску, и в нос ударил сладковатый запах. Больше она ничего не видела.

Она поморщилась от громких голосов и звуков удара по металлу, каждый из которых отдавался волной боли в голове. Все слова искажались, казались обрубленными. Постепенно звон в ушах стих, и она ощутила онемение в теле от неудобной позы, холод камня, на котором, похоже, пролежала не один час. Во рту было кисло и сухо. Она закашляла, пытаясь проглотить остатки слюны.

– Эй, чудная...

Знакомая кличка принесла некоторое облегчение, она с трудом разлепила веки и попыталась сесть, несмотря на головокружение и мутную пелену перед глазами. Чьи-то руки поддерживали, когда она столкнулась с чужим плечом и внезапное касание заставило её испуганно отстраниться.

– Говорю, вставай, мать твою!

Она вздрогнула от чужого крика, но обмякла, разобрав, что это не ей.

– Как голова, чудная? – тихо спросил Макей, и ей наконец удалось его рассмотреть. Знакомый палагеец, склонившись, сидел рядом, придерживая за плечи, пока её продолжало покачивать.

Он беспокоился о её состоянии, хотя и ему досталось: одна сторона лица была в синяках, голова замотана уже грязным бинтом, на руках оставалась засохшая кровь и ссадины.

Воспоминания о тюрьме и взрыве накатили разом, отозвавшись очередным приступом тупой боли в глазах и затылке.

Они были в клетке, и не только она и Макей, а ещё с десятков палагейцев, которых она никогда не видела. Некоторые мужчины и женщины с опаской озирались, пока остальные едва приходили в себя.

– Где мы? – прохрипела она.

– Не знаю. Похоже, в мире людей. Я слышал человеческую речь за соседней решёткой.

– Соседней?..

Она вскинула взгляд, выпрямилась, чтобы убедиться, что Макей прав. Их клетка была не единственной. Она насчитала три в этом огромном ангаре и наконец увидела пятерых мужчин, явно командиров, которые палками били по решёткам, сверяясь с какими-то списками. Помимо них за периметром наблюдали не менее трёх десятков охранников. Мужчины были вооружены огнестрельным оружием, некоторые – совсем уж здоровыми пушками. Её передёрнуло, она ощутила себя животным в клетке.

Прислушавшись к голосам, она убедилась, что большинство говорит на языке людей. И лишь те, что со списками, обращались к пленникам на палагейском. Благодаря лучшей школе в Пелесе она выучила язык людей годы назад, но ужасная какофония и отсутствие практики не давали понять, о чём именно болтают рядовые стражники.

– Они кого-то отбирают, – подсказал Макей.

Оказавшись довольно внимательным и собранным, он продолжал обнимать её, отчасти скрывая своим телом от вдалеке стоящих мужчин с оружием. Она бы в жизни не позволила заключённому так к ней прикасаться, но Макей остался здесь единственным знакомым, и от его присутствия она испытывала слабое облегчение. Ничтожное, но чувство безопасности.

– Этих двоих в третью секцию, парня пока во вторую, а ту девчонку в первую! – велел командир. Подчинённые выволокли пленников и потащили к разным группам.

Она перестала дышать, следя, что произойдёт дальше. Одного высокого парня отвели к ещё трём таким же, двоих вытолкали куда-то в коридор, а вяло сопротивлявшуюся тощую девчонку передали другим мужчинам и увели в противоположную сторону. Макей был прав: проводился какой-то отбор, но пугало то, что она никак не могла понять критериев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.